

МОСКОВСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА, ОРДЕНА ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
И ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ имени М. В. ЛОМОНОСОВА

Исторический факультет

На правах рукописи

РТВЕЛАДЗЕ ЭДВАРД ВАСИЛЬЕВИЧ

УДК 930.26

ДРЕВНЯЯ БАКТРИЯ - СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ТОХАРИСТАН.
ДИНАМИКА ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ

(по материалам амударьинского правобережья)

Исторические науки-07.00.06 - археология

А в т о р е ф е р а т

диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Работа выполнена в ордена Дружбы народов Институте искусствоведения им.Хамзы Хаким заде Ниязи.

Официальные оппоненты:

Доктор исторических наук Б.Я.Ставицкий
доктор исторических наук И.Т.Кругликова
доктор исторических наук Д.Ф.Буряков

Ведущая организация - Институт востоковедения АН СССР.

Защита состоится "10" *апреля* 1989 г. в 15 часов на заседании специализированного совета Д 053.05.09 по защитам диссертаций по археологии, этнографии и искусствоведению на соискание ученой степени доктора исторических наук при Московском государственном университете им.М.В.Ломоносова по адресу: 119899, Москва, ГСП-3, Ленинские горы, I-й корпус гуманитарных факультетов МГУ, исторический факультет, аудитория им.С.Д.Сказкина (55I).

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке МГУ им.А.М.Горького.

Автореферат разослан "9" *мая* 1989 г.

Ученый секретарь
специализированного совета,
доктор исторических наук

Ю.Л.Шапова

Актуальность и научная значимость проблемы. Диссертация посвящена Бактрии-Тохаристану, сыгравшей выдающуюся роль в истории цивилизации Средней Азии. Исследованию ее историко-культурных проблем уделяется значительное место в советской науке. Не обойден вниманием и Сурхандарьинский оазис, являющийся очагом древнеземледельческой цивилизации. Здесь сформировались первые города Среднеазиатского Междуречья, возникли ранние формы товарно-денежных отношений, бытовали различные системы древней письменности. Этот оазис, своего рода историко-культурный феномен, - один из наиболее ранних центров формирования изобразительного искусства, а также основной центр буддизма в Средней Азии.

Здесь выявлено около 400 археологических памятников, в том числе: Джар-Кутан и Сапаллитепе (эпоха бронзы), Бандыхан I-II, Кызылтепе и Кучуктепе (эпоха поздней бронзы-раннего железа), Айртам, Дальверзинтепе, Зартепе, Кампыртепе, Халчаян (эпоха Кушан), Балалыктепе (раннее средневековье), Термез и Будрач (древность-средневековье), раскопки которых внесли выдающийся вклад в познание истории и культуры Средней Азии и Среднего Востока.

Сурхандарьинский оазис принадлежит к числу наиболее изученных в археологическом отношении, что, в частности, отражено в монографиях А.А.Аскарова, Д.И.Альбаума, М.Е.Массона, Г.А.Пугаченковой, Ш.Р.Пидаева, Б.Я.Ставиского, А.С.Сагдуллаева, автора данной диссертации и множестве статей.

Вместе с тем, одни историко-культурные проблемы нуждаются в конкретизации, другие - малоизучены, третьи - дискуссионны, четвертые - еще не изучались. Отсутствует обобщающее исследование по истории и культуре этой части Бактрии-Тохаристана.

Цель и задачи исследования. Основными задачами являются систематизация, анализ и исследование разнообразных источников, в том числе огромного археологического и нумизматического материала, зачастую впервые вводимого в научный обиход.

Цель состоит в следующем:

Конкретизация, уточнение и разработка малоизученных или вообще не затронутых исследованиями проблем истории и культуры Сурхандарьинского оазиса во взаимосвязи с историей и культурой Бактрии-Тохаристана и другими областями Средней Азии.

Обобщение полученных данных для характеристики историко-культурных процессов в этой области в их развитии, как целостном явлении на протяжении длительного отрезка времени – от эпохи становления классовых отношений до периода развитого феодализма включительно.

Источниковедческая база исследования. Ее составляют археологическим, нумизматические и, отчасти, эпиграфические материалы, а также сведения древних и средневековых письменных источников. Основные данные были получены автором в процессе более чем двадцатилетних работ в составе Узбекстанской Искусствоведческой экспедиции (УзИСКЭ), которые включали:

- маршрутные обследования, фиксацию и характеристику археологических памятников (автором выявлено около 300);
- раскопки поселений, городищ и могильников (Бандыхан, Миршаде, Талашкан I, Дальверзинтепе, Кампыртепе, Ялангтуштепе, Каратепе, Биттепе, Будрач);
- исследования нумизматического материала (обработано около 3000 монет различных эпох).

Научная новизна данного исследования состоит в том, что в нем впервые охарактеризована динамика историко-культурного развития обширной части Бактрии-Тохаристана на протяжении более чем двух тысяч лет от эпохи поздней бронзы-раннего железа до начала XIII в.н.э. Существенно новым является также то, что в работу широко введен метод всестороннего исследования того или иного явления не в контексте сугубо археологическом, а главным образом с целью выявления его места и значения в процессе историко-культурного развития, его исторического содержания. Это позволило впервые создать целостное исследование об особенностях и закономерностях исторического развития данной части Бактрии-Тохаристана от эпохи раннего железа до периода развитого средневековья включительно.

На защиту выносятся уточненная историко-географическая ситуация в данной области с новой локализацией древних и средневековых населенных пунктов, периодизация и динамика антропогенного освоения в историческом развитии, типология археолого-географического районирования, особенностей и закономерностей генезиса и эволюции, историческая периодизация, структура и типология древних и средневековых городов, становление денежного

хозяйства в правобережье Окса и развитие товарно-денежных отношений в древности и средневековье, систематизация, ареал и хронология разновременных групп монет, типология погребальных сооружений и их отношение к зороастризму и манихейству, концепция дробной исторической периодизации, начиная с ахеменидо-бактрийского периода (VI–IV вв. до н.э.) и вплоть до начала XIII в., политическая ситуация в различные исторические периоды, взаимоотношения феодальных владений этой области с государствами Востока, различные аспекты династической и социально-экономической истории Северной Бактрии–Тохаристана.

Апробация работы. Основные ее положения были изложены автором в докладах на республиканских, всесоюзных и международных конференциях. Диссертация обсуждена на расширенном заседании сектора истории искусств и архитектуры Института искусствознания им.Хамзы Министерства культуры УзССР в 1987 г. и на заседании кафедры археологии исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова в 1988 г.

Основные положения диссертации опубликованы автором в книгах и статьях общим объемом около 70 п.л.

Практическая ценность. Результаты диссертации были использованы при написании Свода памятников истории и культуры Сурхандарьинской области, сводных трудов по истории и культуре Средней Азии, в статьях Узбекской Советской Энциклопедии, в учебном процессе для курсов по истории, археологии и нумизматике Средней Азии, в экскурсионной и пропагандистской работе по истории и культуре Узбекистана. Они широко используются зарубежными исследователями. Археологические материалы из раскопок автора представлены в экспозиции ряда музеев Узбекистана.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, шести глав, заключения и списка использованной литературы. Она включает около 100 таблиц с фотографиями, чертежами и рисунками.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении определяется тема и содержание диссертации.

Глава I. "Локализация древних и средневековых областей и населенных пунктов". В решении проблем локализации существуют два метода исследования: первый из них опирается на сведения письменных источников с привлечением данных географических

карт, второй – учитывает сведения всех источников, в том числе данные археологической географии. Преимущество второго метода очевидно – он связывает населенный пункт с конкретным городищем или поселением, подтверждая ту или иную локализацию также хронологической и культурной взаимосвязью. Использование первого метода характерно для XIX–первой половины XX вв., когда археологическая география Северной Бактрии–Тохаристана была малоизученной. Тем не менее, историками–востоковедами высказаны аргументированные гипотезы о местоположении тех или иных населенных пунктов, областей и рустаков (В.Томашек, В.Г.Григорьев, И.Маркварт, В.В.Бартольд, Г.Ле–Стрендж, В.Минорский). Сплошное обследование области позволило нам уточнить предложенные ранее локализации.

Автор диссертации, как и ряд исследователей, полагает, что данная территория в древности входила в состав Бактрии, во второй половине IV в. до н.э. здесь располагались две области – Габаза и Парейтакена, локализация которых в предгорных и горных районах Сурхандарьи (В.В.Григорьев и И.Маркварт) подтверждается и уточняется. Габаза, вероятнее всего, находилась в горной местности на стыке Кашкадарьи и Сурхандарьи между ущельем Кам-Дарваза (Кашкадарья) и Железными воротами (Сурхандарья). На картах конца XIX в. эта местность обозначена как "Габзан". Согласно Себеосу (VII в.н.э.), Бахрэм Михревандак "силой завоевал Балх и всю страну кушанов, до другой стороны великой реки под названием Вехрод, до места под названием Казбион". Обращает на себя внимание созвучие названий – Казбион, Газбан, Габзан, Габаза, Газаба. Северные пределы страны кушан определяются наличием пограничной стены кушанского времени у к.Дербент.

Таким образом, сведения Себеоса получают ясное топографическое определение – к северу от этой стены находилась местность Казбион (Габаза). Область Парейтакена располагалась к югу от Габазы, перед Оксом, в предгорных и равнинных районах Сурхандарьи, где выявлены многочисленные памятники УI–IV вв. до н.э.

Здесь также выявлено большое число памятников бактрийской письменности I–III вв. н.э., отражающей язык коренного населения Бактрии – бактрийцев (В.Б.Хеннинг, В.А.Лившиц). Находки же памятников согдийской письменности, наиболее ранними из которых

являются краткие легенды-надчеканы на монетах Пероза конца У в.н.э., крайне редки.

Следовательно, население правобережья Окса было преимущественно бактрийским, а граница между двумя этносами – бактрийским и согдийским – проходила, вероятнее всего, по западному Гиссару.

В раннем средневековье здесь упоминались три области, входившие в состав Тохаристана: Гуфтан или Куфтан – долина Шерабадарья, Термезшахов – Термез и прилегающие к нему районы, Чаганиан – долина Сурхандарья, а также три города: Термез, Чаганиан и Хашура или Хувара, отождествляемые нами, соответственно, с городищами Будрач около Денау и Каттагепе у Шерабада.

В IX–XII вв. Чаганиан и Термез считались принадлежащими или к Хорасану или к Мавераннахру, но уже отличаются от Тохаристана, под которым понимается небольшая область восточнее Балха (Истахри, Худуд ал-Алам, Яакуби, Димишки, Бартольд). В арабо-персидских источниках упоминается множество населенных пунктов, локализация которых прямо связана с местоположением Термеза. От него ведется отсчет расстояний по трем дорогам, ведущим на запад, северо-запад и северо-восток. В районе Термеза находились небольшие селения Бусандж, Рухшабуд, Шайшак и крепость Батикару.

Вдоль западной дороги, шедшей из Термеза по долине Джейхуна в Хорасан и Мавераннахр, упоминаются три переправы и становище ал-Киясин в одном дне пути от Термеза и Келифа. Они соответствуют переправам Шуроб, Чушка-Гузар и Кара-Камар. На месте переправы Шуроб локализуется нами переправа برداخوی (Хафиз-и Аbru), в основе названия которой лежит греческое слово πάρδαξις – "пардакви" (Минорский, Хеннинг). Становище ал-Киясин располагалось, вероятно, у переправы Чушка-Гузар, вблизи ж/с Болдыр.

Вдоль северной дороги, шедшей из Тохаристана в Согд, упоминаются: Хашимгирд, рабат Разика и селение Карна, локализованные нами соответственно на месте Каптар-ханы вблизи Ангора, в районе Шерабада и Сайроба. Подробно описываются Железные ворота (Дар-и Аханин, Баб ал-Хадид, Темир Кахлага, Темир Капыг) – горный проход, через который вела кратчайшая дорога в Согд. Этот проход соответствовал ущелью Бузгала-хана, расположенному в 8 км к западу от Дербента в хребте Сарымас. Перед Железными воротами упоминается городок Дар-и Аханин, соотносенный нами с большим

средневековым поселением в к. Дербент, после них – согдийское селение Кендек, располагавшееся в районе Ак-рабата.

Почти все населенные пункты вдоль северо-восточной дороги, шедшей по долине Чаганруда (Сурхандарья), отождествлены нами с конкретными городищами и поселениями.

Городок Сарманган или Чарманган соответствует городищу Культепе, вблизи которого находится Джаркурганский минарет. Селение Буг сопоставлено с средневековым поселением в 7 км к северу от Джар-кургана. Селение Дарзенги локализовано на месте поселения у к. Джелаир, у впадения Бандххансая в Сурхандарью. Обнаружено селение Баранги, соответствующее Гормалитепе, расположенному к северу от Шурчи.

Город Чаганиан (Саганиян) локализован на месте городища Будрач, расположенного в 6 км к юго-востоку от Денау, при впадении Кызылсу в Сурхандарью. Городище существовало с первых веков до н.э. вплоть до начала XVI в.н.э. После его разрушения войсками Шейбани-хана основным центром области становится Дих-и Нау (Денау). Определено местоположение селения Басанд, находившегося на месте Байсуна по дороге из Бухары и Несефа в Чаганиан. Другое селение – Сангардак локализовано в районе к. Юрчи. Селение Кумганан, вероятно, соответствует Джартактепе, а Бураб, охарактеризованный в Худуд ал-Алам как небольшой город с крепостью, – Чим-Кургантепе. Городок Зинвар отождествлен с к. Зинвер, расположенном в долине Обя-Заранга, Рикдешт или Рикдашт, вероятно, соответствует Гураzteпе. Навандак – самая крупная станция после Чаганиана по дороге в Хамаваран – отождествлен с городищем Навандактепе или Кафыр-кала, расположенном в 3 км к северо-востоку от Узуна.

В области Саганиян упомянуты еще Банийаб и Хунбан, находящиеся в одном дневном переходе от столицы области, но в разных направлениях. Банийаб может быть локализован в районе Миршаде-Карлика, а Хунбан, упомянутый после Зинвара, возможно, соответствует Бешкола или Хумдантепе.

Глава II. "Динамика антропогенного освоения и системы расселения в историческом развитии". Исследование разновременных археологических памятников позволило охарактеризовать процесс антропогенного освоения данной области в древности и средневековье, установить основные системы расселения, тогда как пред-

шествующие исследователи этой проблемы ограничивались анализом отдельных периодов (Аскарлов, Аннаев, Валиев, Сагдуллаев, В.М. Массон, Ставиский, Букинич, Кастальский).

В основу предлагаемой периодизации положен принцип, сочетающий историко-археологическую и физико-географическую характеристику выделенных периодов. Для древней эпохи установлено четыре периода: подгорно-степной (вторая четверть II тыс. до н.э. – начало I тыс. до н.э.), равнинно-долинный (VI–IV вв. до н.э.), долинный (III–II вв. до н.э.), всеобщий (I в. до н.э. – III в. н.э.).

В первый период происходит освоение подгорно-степной зоны вдоль Западного Гиссара. Основные единицы расселения – крепость с неукрепленным поселением (Сапаллитепе), мелкие поселения (Культепе, Очамайлитепе, Кызылджарсу), поселения рассредоточенного типа (Моллалитепе), агломерация – несколько поселений с центральным укрепленным ядром (Джаркутан). Основная территория расселения – оазисы, из одного, двух-трех поселений: Улянбулакский, Бустанский, Ургульский, Халкаджарский, Кармакский, Сангардакский.

Аналогичная система расселения сохраняется в эпоху поздней бронзы-раннего железа. Функционируют четыре оазиса: Улянбулакский, Бустанский, Ургульский, Халкаджарский. Внутри оазисов происходят существенные изменения: заметно уменьшается площадь поселений и сокращается их количество.

Во второй период основными физико-географическими зонами расселения являлись подгорно-степная равнина Западного Гиссара и долины больших рек. Основные единицы расселения: укрепленная усадьба (Кызылча), поселение рассредоточенной планировки с цитаделью (Широбтепе), компактное поселение с цитаделью (Шорттепе), неукрепленное бесцитадельное поселение (Газимуллаттепе), крепость (Талашкантепе), городище (Кызылтепе). Основные территории расселения: микрооазисы, включающие одно поселение; оазисы, состоящие из двух-четырех поселений, привязанных к определенному участку реки или каналов. Выделено 9 оазисов и микрооазисов: Лабильский, Улянбулакский, Шерабадский, Ургульский, Кызылджарский, Обширский, Лашнабадский, Среднесурханский, Амударьинский.

В VI–IV вв. до н.э. происходят важные изменения в системе расселения и характере антропогенного освоения данной области: увеличивается число и площадь обживаемых оазисов и количество

поселений, занимающих также степи и долины рек. Одной из причин возникновения новых зон обживания является естественное увеличение количества населения и перемещение его в речные долины. Не исключено и влияние ахеменидской администрации Бактрии, стремившейся к целенаправленному заселению новых территорий и созданию опорных пунктов в важных в стратегическом отношении местах – у речных переправ и на перекрестках торговых путей. Формируются большие территориальные объединения типа Парейтакена и Габаза, названные в античных источниках "областями", "странами", "землями" и представляющие собой совокупность нескольких оазисов.

Третий период – наиболее характерной его чертой является полное запустение древних оазисов подгорной полосы и концентрация обживаемых зон в долинах крупных рек. Примечательно возникновение укрепленных пунктов – военных поселений на Амударье вблизи переправ, что может быть объяснено стремлением греко-бактрийских правителей обезопасить левобережье Бактрии от набегов кочевых народов, взяв под свой контроль главные дороги, ведущие из Бактрии в Согд.

Для четвертого периода характерны коренные изменения в системе расселения и географии размещения поселений: обживание всех физико-географических зон за исключением высокогорья, создание обширных селитебных массивов, включающих крупный город, средние и мелкие городки, сельские поселения и усадьбы, хозяйственная специализация каждой из зон. Выделены три основные зоны:

1. Равнинно-долинная – средоточие обширных селитебных массивов, орошаемого земледелия, ремесел, торговли.
2. Подгорно-равнинная – оазисы с крупными и мелкими поселениями, богатым и орошаемым земледелием, скотоводством.
3. Среднегорье – изолированные мелкие оазисы, небольшое число поселений, земледелие, скотоводство, металлургические районы.

Истоки данного процесса связаны с юечжийским периодом, ознаменовавшимся большим притоком кочевников в правобережную Бактрию, однако максимальное его развитие приходится на кушанское время.

Сейчас здесь выявлено 123 археологических памятника кушанского времени, 93 из них зафиксированы и описаны автором.

Основные физико-географические зоны расселения: поймы и долины рек, надпойменные террасы, степная и подгорная равнина, межгорные котловины. Основные единицы расселения: усадьбы, крепости, сельские поселения и городища нескольких типов. Основные территории расселения: микрооазис, ирригационный район, включающий несколько оазисов, ирригационная область, объединенная единым источником водопользования и сходными физико-географическими условиями. Они концентрируются, преимущественно, в трех природно-ландшафтных зонах: низкогорье и области среднегорья, степная и подгорно-возвышенная равнина, речные долины. В первой зоне поселения группируются в II микрооазисов и оазисов. Во второй зоне выявлены три оазиса, наиболее крупным из которых был Ургульский оазис площадью около 10 кв.км. В третьей зоне расположено наибольшее число оазисов и поселений.

Горный микрооазис – географически ограниченная небольшая по площади зона оседлости, расположенная в долинах горных саев и в межгорных котловинах, включающая одно, реже два поселения. Некоторые из них представляли собой форпосты-крепости на границе кушанского государства, другие – сложились вблизи мест добычи полезных ископаемых. Равнинный микрооазис – зона оседлости, занимающая территорию площадью до 10 км² в долинах рек и вдоль каналов. Включает в себя одно-два поселения сельского типа, которые, судя по раскопкам Мирзакултепе и Ак-Кургана, являлись местом обитания большесемейной общины (Пидаев). Подобного типа микроструктуры являлись основной структурной единицей кушанского государства – главным сельскохозяйственным базисом страны.

Оазисы – сравнительно крупная зона оседлости, площадью от 10 и более 100 км², состоящая из нескольких микрооазисов, группирующихся вокруг укрепленного городища. Наши исследования показали закономерный процесс формирования этих структур, где центральное городище, как правило, более древнее, тогда как мелкие поселения возведены в юэчжийское время. Вероятно, это говорит о государственной политике создания подобных структур, что заставляет видеть в них особую административную единицу в системе кушанского государства.

Ирригационный район – крупная зона оседлости площадью не-

сколько сот км², состоящая из целого ряда оазисов и микрооазисов, группирующихся на географически обособленной территории в речной долине, с автономной системой орошения, состоящей из разветвленной сети крупных и мелких каналов и арыков.

Ирригационная область – наиболее крупная зона оседлости площадью несколько тысяч км², занимающая географически обособленную территорию в пределах бассейна большой реки и объединяющая несколько ирригационных районов. Выделены три области: Верхнесурханская, Шерабад-Зангская и Сурхан-Амударьинская, причем в каждой из них находятся наиболее крупные городища – Старый Термез, Дальверзинтепе, Зартепе, вероятно, административные центры.

В целом для кушанского времени характерно обживание новых территорий, расширение площади орошаемых земель, формирование различных микро- и макроструктур, освоение оазисов, заброшенных в предшествующее время, увеличение и усовершенствование ирригационной системы, возникновение разветвленной сети дорог, увеличение количества поселений и разнообразие их типов, дальнейшее формирование антропогенных ландшафтов: селятебного, промышленного, дорожного.

В посткушанское время наблюдается заметное запустение ряда оазисов и сокращение числа больших городищ и их площади при некотором развитии сельских поселений (Пидаев, Седов). Эти полярно противоположные явления отражают закономерный процесс перемещения центра хозяйственной жизни из города в селения, определяя начальную стадию становления новой социально-экономической формации.

Для средневековья выделены два основных периода: I – вторая половина V – вторая половины VIII вв.; II – начало IX – начало XIII вв., разделенных этапом определенного упадка, приходящегося на середину – вторую половину VIII в.

В первый период происходит восстановление в прежних границах ряда кушанских городов и расширение их площади (Будрач), частичное их обживание (Дальверзинтепе), возникновение новых селений и городов. В прежних границах обитаются многие оазисы, восстанавливаются ирригационные сети, возникают новые каналы и арыки. Здесь выявлено более 150 городищ и поселений, относящихся к первому периоду (Альбаум, Аннаев, Ртвеладзе). Зоны рассе-

ления, совпадая с таковыми же кушанского периода, вместе с тем отличаются от них. Они занимают, главным образом, речные долины и степи, тогда как подгорные равнины, низкогорья и высокогорья обживаются в несколько меньших масштабах, нежели в кушанское время. Внутри этих зон изменяется характер единиц расселения: уменьшается количество городов, увеличивается число сельских усадеб и дикханских замков.

Основной территорией расселения в это время становится рустак *روستاق*. В IX в. в Чаганиане имелось много рустаков, среди них Хердак, Бахаран и Касан (Якуби). По В.В.Бартольд, рустак - это волость или округа, группа селений. С рустаком сопоставима такая археолого-географическая территория расселения, как курный сельский или ирригационный район, тогда как понятие "билад" - область, зафиксированное в источниках в отношении Чаганиана, прилагается к ирригационной области.

Второй период характеризуется максимальным освоением почти всех физико-географических зон. Выявлено около 300 археологических памятников этого периода, сконцентрированных в основных долинах Сурхандарьи и Шерабаддарьи. Однако внутри речных долин масштабы обживания были неодинаковыми - более всего обживалась область Чаганиана и низовьев названных рек.

В развитое средневековье происходит окончательное сложение специализированных хозяйственных зон: сельскохозяйственной, ремесленной, скотоводческой и горно-промышленной, группирующихся в различных физико-географических районах. Первая зона приходится на речные долины, характеризующиеся максимальным ее освоением с высокоразвитой ирригацией, густой сетью населенных пунктов. Характерно разнообразие видов ремесел, сельского хозяйства, в основном, зерноводства, садоводства, огородничества и разведения технических культур. Имела место специализация ремесел: Держенги - центр текстильного производства, Термез - центр мыловарения. Горно-промышленная зона приходилась на межгорные котловины и долины горных рек. В ней функционировали три района: Бабатагский, Байсунский и Кугитангский, связанные с добычей и переработкой полезных ископаемых.

Глава III. "Генезис и развитие городов". Исследованиями установлена автохтонность древних городов Средней Азии, на определенных стадиях развития подвергшихся влиянию древневосточных

и эллинистических градостроительных традиций. Однако остается неясной градостроительная специфика в той или иной области Средней Азии, которая под влиянием локальных модификаций могла приобретать свои особенности. В изучаемой области имеются хорошо исследованные разновременные городища, позволяющие охарактеризовать различные стадии развития городов, выявить их градостроительную и планировочную структуру. Нами предлагается следующая периодизация развития древнего города:

I. Догородской период (вторая четверть II-начало I тыс. до н.э.):

- а) возникновение двухчастных поселений с крепостью;
- б) становление агломераций;
- в) формирование цитадельных двухчастных поселений.

II. Раннегородской период (VШ-УП - IV вв. до н.э.):
формирование спланированных полиструктурных городов.

III. Межгородской период (III-начало I вв. до н.э.):
становление двухчастных военных поселений.

IV. Городской период (I в. до н.э. - III в. н.э.):

- а) становление трехчастных полифункциональных городов;
- б) расцвет городов.

I. Стационарные поселения в правобережье Амударьи появляются во второй четверти II тыс. до н.э., возможно, как следствие целенаправленной деятельности по заселению пустыющих территорий и охране переправ через Окс. Наиболее раннее поселение, по существу, форпост - Сапалитепе, было основано вблизи переправ Шуроб-Курган и Чушка-Гузар, через которые пролегали маршруты переселения в правобережье Окса.

Более высокую стадию развития отражает Джар-Кутан, определенный как поселение рассредоточенной планировки (Аскарлов, Абдуллаев). Однако вероятнее, что он представляет собой своего рода агломерацию - совокупность нескольких общинных, возможно, разновременных поселений с четким обособлением структурных частей: жилых домов, храма, дворца, гончарного производства, некрополей. Получают распространение также крупные и мелкие поселения с рассредоточенной планировкой, бытующие здесь на протяжении всего древнего периода, тогда как агломерация, подобная Джар-Кутану, как определенное стадияльное явление завершает существовавшие уже на данном этапе.

В начале I тыс. до н.э. на юге Средней Азии повсеместно возникают компактные двухчастные поселения с цитаделями, основанными на искусственных платформах из сырцового кирпича и пахсы. Такие поселения имеются и в Северной Бактрии (Бандыхан I, Кучуктепе). Для завершающего этапа первого периода характерен определенный регресс градостроительного процесса, отраженный в сокращении площади и количестве поселений, изменении характера застройки, появлении заглубленных в землю жилищ каркасного типа.

II. Характерно типологическое разнообразие населенных пунктов: укрепленные усадьбы (Кызылча), крупные поселения с крепостью (Бандыхан II), неукрепленные поселения (Гази-Муллатепе), цитадельный город сплошной планировочной структуры (Кызылтепе), крепость-рефугиум (Талашкан I). Наиболее примечательная его черта - появление нового типа поселений, по существу, раннего города (Кызылтепе).

От поселений предшествующего периода, Кызылтепе отличается: трехчастностью, функциональным различием и обособлением каждой из частей, превращением крепости в цитадель, преобразованием неукрепленной части в собственно поселение, выделением "пригорода" и округи, сложной оборонительной системой для цитадели и собственно поселения.

III-IV. В эпоху с III в. до н.э. по IV в. н.э. города Северной Бактрии-Тохаристана прошли три стадии развития. Первая из них определяет истоки формирования, вторая - становление и расцвет, третья - упадок и завершающее звено в истории древнего города. Особенности развития городов, как и в целом культуры Бактрии, в это время определялись взаимодействием древнебактрийских и эллинистических градостроительных принципов.

Для III-II вв. до н.э. наличие городов в данной области пока не зафиксировано, хотя таковым могла быть Антиохия-Тармита. Можно говорить о перерыве в ходе поступательного развития городов в Северной Бактрии типа Кызылтепе. Отмечены три типа поселений: двухчастные и одночастные с крепостью и неукрепленные.

Кушанское время - период подлинной урбанизации в этой области, тогда как предшествующие стадии в формировании городов можно рассматривать как их предтечу. В сложении типологически разнообразных кушанских городов наблюдается три генотипа: много-

слоиные города с основой, восходящей к ахеменидскому времени; города, восходящие преимущественно к греко-бактрийскому времени; города, возникшие в юечжийский или кушанский периоды. Примечательно, что при Кушанах на новых местах возникло не столь много городов, в основном происходило преобразование в города уже существовавших поселений. Преимущественно были распространены города и городки прямоугольного плана и четырехчастной структуры (цитадель, собственно город, "пригород", округа), реже – города с неправильной внешней конфигурацией. В основу первых были положены единые градостроительные принципы, вторые формировались стихийно, рядом с цитаделью, в последующем строители приспособлялись к уже существующим границам поселения. В Северной Бактрии, как и в ряде других областей Средней Азии, развитие города шло, в основном, от крепости-цитадели.

В культуре и быте сельского и городского населения, наряду с определенным сходством, наблюдается дальнейшее обособление, четкое выделение собственно городской культуры.

Города кушанского времени являлись завершающим звеном в эволюции древнебактрийского города. В III–IV вв. н.э. многие из них постепенно пришли в упадок. Новые города уже не возводятся.

В развитии средневекового города Северного Тохаристана можно выделить два периода: I – вторая половина V – вторая половина VIII вв.; 2 – начало IX – начало XIII вв. н.э.

Возрождение городов приходится на вторую половину V в. (Будрач) – вторую половину VI в. (Кафир-кала). Характерно типологическое разнообразие поселений. В числе городов – города-центры сельских округов-рустаков, городки – центры небольших по площади территорий, прилегающих к определенному участку реки или канала.

В сложении раннесредневекового города наблюдается два типа: города, возникшие на основе кушанских, частично унаследовавших их планировку, структурные членения и фортификацию (Будрач, Каттатапе, Кафирниган-кала, Термез) и города, основанные на новом месте по единому плану (Кафир-кала, Навандак). Наблюдаемое в других областях Средней Азии формирование городов вокруг замков феодалов в Северном Тохаристане пока не отмечено.

Арабо-персидские письменные источники упоминают в Северо-Западном Тохаристане для IX–XII вв. города Чаганиан и Термез,

несколько городков и, в основном, селения. Преобладание сельских поселений – явление, свойственное рассматриваемой территории на всех этапах ее истории. По нашим подсчетам, в кушанское время на одно городское поселение приходится шесть–семь сельских, а в раннее средневековье – даже восемь. Примерно то же соотношение установлено и для развитого средневековья.

Сравнительный анализ Термеза и Чаганиана показывает, что наряду с общностью ряда признаков наблюдается своеобразие развития каждого из них. Для Термеза характерно непрерывное и равномерное развитие в IX–нач. XIII вв., в Чаганиане периоды роста чередуются с периодами упадка, в середине XI в. значительно сокращается обживаемая территория. Аналогичная картина наблюдается и в других городах Северного Тохаристана – одни из них в X–XI вв. интенсивно развивались (Халаверд, Хутталь), другие – в первой половине XI в. приходят в полный упадок (Сайед, Хульбук, Манзара).

Вероятно, не совсем корректен тезис о том, что XI–XII вв. были временем всеобщего подъема городов Средней Азии. На самом деле наблюдается достаточно пестрая картина: одни города, действительно, достигают в это время наивысшего расцвета (Мерв, Самарканд, Термез), темпы роста других городов замедляются (Бухара), у ряда городов значительно сокращается площадь обживаемой территории (Чаганиан, Бинкет, Харашкет), для некоторых городов первая половина XI в. – последний период существования (Сайед).

В заключение главы дается обобщающая характеристика закономерностей и особенностей развития городов Северной Бактрии–Тохаристана, акцентируется внимание на важных моментах в становлении города, выделяются периоды урбанистического расцвета в этой области, приходящегося на первые века н.э. и X–XII вв.н.э.

Глава IV. "Монетный чекан и денежное обращение". Проблемы возникновения денежного обращения в Средней Азии прежде обсуждалась в хронологическом и территориальном аспектах: где и когда впервые монета стала использоваться в качестве средства обращения (Массон, Гафуров). Характер и особенности этого процесса обоснованы Е.В.Зеймалем, согласно которому возникновение денежного обращения и появление монетной чеканки в Трансоксиане происходило по следующей модели: первоначально сюда поступают

иноземные монеты, но только в качестве сокровищ, к числу которых, наряду с другими монетами, он относит селевкидские и греко-бактрийские монеты. Затем, по образцу иноземной монеты, наиболее "привычной" для той или иной области, чеканятся местные подражания им, являющиеся не только начальной формой монетной чеканки, но и начальной формой денежного обращения в областях, соседствующих с государствами, уже обладающими развитым денежным обращением. Заключительная фаза этого процесса - выпуск самостоятельных монетных эмиссий, возникших на основе "варварских подражаний".

Эта модель, определяя общий путь становления монетных чеканов в некоторых областях Среднеазиатского Междуречья (вообще же существовало несколько моделей: в Чаче, Кеше, Нахшебе возникает монетная чеканка шло иным путем), вместе с тем вызывает некоторые возражения. В частности, сомнительно, что селевкидские и греко-бактрийские монеты для этой территории всегда были иноземной монетой и выполняли лишь функции сокровищ, что только "варварские подражания" являются начальной формой денежного обращения.

Рассмотрим в связи с этим нумизматические материалы из Северной Бактрии с привлечением таковых же из других областей Средней Азии.

Эпоха древности. Эллинистический период. Отметим важное обстоятельство: недавно сведения о находках эллинистических монет в Северной Бактрии были неполноценными, с той же поры, когда стали изучать городища с культурными слоями этого периода (Кампыртепе, Тахти-Сангин, Термез), количество их находок резко увеличилось, а обстоятельства их обнаружения стали более достоверны. Так, на Кампыртепе найдено два халка Антиоха I и 17 греко-бактрийских монет (Диодота, Евтидема, Деметрия, Евкратиды, Гелиокла), а в Тахти-Сангине - четыре халка Антиоха I и 16 греко-бактрийских монет. По нашим данным, в Северной Бактрии обнаружено более 80 эллинистических монет (10 селевкидских и более 70 греко-бактрийских), без учета монет из Амударьинского клада. Выделяются две компактные зоны их находок - приамударьинская и чаганианская - верховья Сурхандарьи и Кара-тагдарьи.

Вторая область находок эллинистических монет - Согд, где

обнаружено уже около 30 селевкидских и греко-бактрийских монет, а также два крупных клада греко-бактрийских монет. По условиям находок можно выделить три группы греко-бактрийских монет: подъемные; найденные в слоях юечжийско-кушанского времени; обнаруженные в слое с эллинистической керамикой:

На Кампыртепе выявлено, что греко-бактрийские монеты, происходящие из поздних слоев, найдены в переотложенном состоянии. Отдельные же монеты (Евтидем, Деметрий) уже обнаружены в слое с эллинистической керамикой (цитадель Старого Термеза, Кампыртепе). Правильное определение условий их находок возможно при исследовании на больших площадях, особенно на "стерильных" памятниках типа Ай-Ханум. При раскопках же на многослойных городищах велико влияние различных причин. Добавим также, что если серебряные греко-бактрийские монеты могли ходить как сокровище в более позднее время, то обращение халков маловероятно, ибо при кушанских царях в обращение поступали обильные выпуски медных монет. Об этом же свидетельствует отсутствие их в кладах кушанской меди.

Эллинистические монеты, найденные в Северной Бактрии, отражают действительное их обращение в III-II вв. до н.э., указывая на интенсивное развитие денежной торговли, поскольку среди находок имеются серебряные (тетрадрахмы, драхмы, обола) и медные монеты. В этот период продолжали сохраняться различные формы натурального обмена.

Юечжийско-бактрийский период. Отличительной его особенностью является возникновение и последующее обращение подражаний греко-бактрийским монетам, широкое развитие денежной торговли, вовлечение в нее городского и сельского населения, сложение обособленных нумизматических провинций. Значение серебра как средства внутриобластной торговли было, видимо, небольшим. Она обеспечивалась определенное время греко-бактрийскими монетами, а в приамударьинских районах также подражаниями оболам Евкратиды, монетами Гиркода, Санаба (Герая), Сападбиза, Синатрука и подражаниями драхам Фраата IV.

Более всего здесь ходили подражания (бронзовые) монетам Гелиокла различных номиналов (часть из них, возможно, субэратные), в основном первой (по В.М.Массону) или третьей (по Е.В. Зеймалу) группы. Они найдены в количестве более 80 экз. на два-

пяти памятниках (намного больше, чем в других районах Бактрии), что позволяет считать их продукцией местного монетного двора. Обращались также подражания второй группы, а в западных приамударьянских районах – парфянские монеты и халки Сападбиза.

Кушанский период. Вхождение Северной Бактрии в состав кушанского государства обусловило массовый приток и обращение монет общегосударственной чеканки. Определенную роль играли золотые монеты, но основным средством внутриобластной торговли являлись медные монеты, находки которых только для Сурхандарьинского оазиса исчисляются более 600 экз., а в целом по Северной Бактрии – более 1000 экз. Нетрудно заметить, насколько вырос по сравнению с предшествующим периодом объем монетной массы, а, следовательно, и розничной торговли. Денежные отношения развиваются "в тех областях товарного производства, где монеты циркулируют наиболее быстро – т.е. там, где акты купли и продажи постоянно возобновляются в самом мелком масштабе" (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. . изд.2, т.23, с.136).

Представлены монеты всех кушанских царей (за исключением именных монет Куджулы Кадфиза). Они зарегистрированы на 120 городищах и поселениях. Топография и количественное их распределение свидетельствуют об определенной неравномерности развития денежного обращения, о его преимущественной роли в земледельческой зоне и о слабом развитии товарно-денежных отношений в горных районах, но также о том, что данные отношения охватывают многие сферы экономических взаимосвязей между городом и селением, распространяясь, вероятно, даже на незначительные сферы розничной торговли.

Исследование монетных кладов позволяет выделить три основных этапа денежного обращения: I – раннекушанский (монеты Сотера Мегаса); II – среднекушанский (монеты Кадфиза II и Канишки); III – позднекушанский (монеты Хувишки, Васудевы, Канишки III). Состав этих кладов демонстрирует четкую закономерность – они содержат монеты одного или двух царей, правивших непосредственно один после другого. Вероятно, замена "старых" монет на новые в кушанской Бактрии происходила сравнительно быстро, а период их циркуляции был ограничен во времени.

Посткушанский период. Начало нового этапа в денежном обращении знаменуют медные подражания кушанским монетам, конец –

серебряные подражания монетам Варахрана с бактрийской легендой и медные скифатные монеты Термеза и Чаганиана.

На основе имевшихся данных (стратиграфия, клады, количественный состав) нами предложена следующая периодизация денежного обращения в этой области:

I этап – обращение подражаний монетам Хувишки, Васудевы, Канишки III и, некоторое время, подлинных монет этих царей. Этот этап приходится на время от падения кушанского государства до включения Северного Тохаристана во владения сасанидских кушаншахов. Судя по наличию в одном из кладов драхмы Шапура I (240–272 гг.), он может датироваться второй половиной III в. н.э.

II этап – состав монетной массы разнообразный: медные монеты сасанидских кушаншахов, подражания кушанским монетам, сасанидские драхмы. Монеты кушанских царей, видимо, уже не обращаются. Они отсутствуют, в частности, в монетных кладах.

Средневековье. В V–VIII вв. обращались следующие группы монет: Серебро – сасанидские драхмы Варахрана V, Пероза, Валаша, Хосрова, Хормизда IV, Хосрова II, драхмы Пероза и Хосрова I с надчеканами бактрийских и согдийских легенд, портретов правителей и тамг, анэпиграфные подражания драхам Хосрова I с надчеканами, чаганхудатские монеты, битые по образцу драхм Хосрова I с бактрийской легендой на об.ст. Медь – монеты термезшахов и чаганианские с одиночным и парным изображениями, согдийских ихшидов, правителей Панча и династии Тан.

Важная черта этого периода – наличие нумизматических провинций, соответствующих политически самостоятельным владениям. Для каждой из них характерно обращение своей серебряной и медной монеты, причем Чаганиан был в этом отношении более обособлен, нежели Термез и Гуфтан.

В Чаганиане с V до второй половины VI в. существенна роль сасанидских драхм, позднее подражаний драхам Хосрова I и чаганхудатским монетам, тогда как в других областях в конце V–VIII вв. н.э. основным средством обращения являлись подражания драхам Пероза. Областная локальность характерна также и для денежного обращения Северо-Восточного Тохаристана, где ходили иные группы медных и серебряных монет (Давидович, Зеймаль).

Уровень развития денежного хозяйства в различных владениях Северного Тохаристана был отнюдь не равнозначным. В Чагани-

ане наряду с высокопробными сасанидскими драхмами обращались серебряные монеты с примесью лигатуры. Подражания монетам Пероза, ходившие во владениях термезшахов и в Гуфтане, уже в самом начале чеканки содержали примерно равные доли серебра и меди, в дальнейшем происходит неуклонное падение доли серебра и меди, увеличение лигатуры. Последние выпуски – это субэртные монеты из сплава меди, цинка, железа и свинца, покрытые тонким слоем серебра.

Начиная с УШ в. во внутриобластной торговле существенная роль принадлежит омайядским и аббасидским дирхемам и фельсам, во второй половине УШ в. осуществляется чеканка фельсов в Саганиане и Термезе.

Развитое средневековье. Период IX–X вв. В X в. функционировали два монетных двора, эпизодически выпускавших серебряные и медные монеты: Термез (Абу-Давудицы, серебро, 293/905–906; Саманиды, медь, 303/915–916; 346/957–958).

Саганиан (Саманиды, серебро, 297/909–910; Саманиды-Мухтаджицы, медь, 365/975–976; 369/979–980; 377/987–988). Монетная масса и монетный чекан для X в. указывает на значительный размах денежной торговли. Характерно преобладание во второй половине X в. фельсов саганианского чекана, что связано с высоким уровнем развития мелкотоварного производства и розничной торговли в данной области. В это время Саганиан и Термез по уровню развития денежных отношений значительно опережают другие области Северного Тохаристана, где прослеживается значительный спад денежной торговли и мелкотоварного производства (Давидович).

Период XI–начало XIII в. Функционируют два монетных двора: Термез – Ануштегиниды, золото, медные посеребренные дирхеми, медные фельсы (?), начало XIII в., отдельные эпизодические выпуски монет XII в.; Чаганиан (Саганиан) – Караханиды, местные династии, серебро, медь, сплав серебра и меди, первая половина XI в.; Сельджукиды, сплав серебра и меди, сороковые годы XI в.; Ануштегиниды, медные посеребренные дирхеми, нач. XIII в.

Зафиксированы 13 кладов (более 1000 экз.) и отдельные находки монет. Их исследование позволяет выделить четыре этапа денежного обращения в данной области:

I. Начало–середина XI в. Местный монетный чекан и монетная масса свидетельствует о высоком уровне товарно-денежных отноше-

ний, обеспеченных золотой газневидской монетой, высокопробной и низкопробной серебряной монетой Саганийана, фельсами местной чеканки при эпизодическом поступлении монет других городов Средней Азии. Характер денежного обращения по сравнению с предшествующим периодом изменяется – преобладают местные монеты.

II. Вторая половина XI–середина XII в. Состав монетной массы иной – в начале этапа обращаются сельджукидские низкопробные серебряные монеты Саганийана, затем – высокопробные сельджукидские дирхемы чекана Балха, Герата, Мерва, а также серебряные позолоченные динары.

III. Вторая половина XII в. Обращение медных посеребренных караханидских дирхемов Самарканда и, вероятно, местных монетных дворов.

IV. Начало XIII в. Основным средством обращения на этом этапе являлись медные посеребренные хорезмшахские дирхемы местных монетных дворов (Термез, Чаганиян). Эпизодически выпускались золотые динары (Термез).

Приведенный нами анализ денежного обращения в Северо-Западном Тохаристане подтверждает тезис Е.А. Давидович о наличии локальных вариантов в товарно-денежных отношениях в Средней Азии в эпоху развитого средневековья. Он также показывает, что между различными областями Северного Тохаристана, наряду с общностью явлений, существовали определенные различия в составе монетной массы и уровнях развития денежных отношений.

Глава V. "Погребальная практика: эволюция, периодизация, культовая интерпретация". В развитии погребальной практики мы выделим шесть периодов, определенных различием в типах некрополей и погребальных сооружений, способах захоронения.

I. Вторая четверть–конец II тыс. до н.э. Два этапа. На первом этапе погребения совершались внутри помещений, распространены катакомбы, подбой, изредка – грунтовые захоронения; на втором – в специальных некрополях, основной тип – катакомбы, реже – ямные могилы, очень редки подбой, появляются хумные захоронения. Способ и тип захоронения: на первом этапе – одиночные, коллективные захоронения в скорченном положении в сопровождении обильного погребального инвентаря. Встречаются ритуальные захоронения животных, кенотафы. На втором этапе – захоронение в скорченном положении, изредка – групповое на

спине, отмечены отдельные случаи трупосождения, кенотафы, захоронения животных. Погребальный инвентарь, в основном, обильный (Аскарлов, Абдуллаев).

П. Начало I тыс. - V-VI вв. до н.э. Характер погребального обряда изменяется. Отмечено трупоположение на спине в грунтовой яме (Кучуктепе). Как патриархально-семейный мавзолей интерпретируется здание, вскрытое на Пшактепе (Аскарлов), что маловероятно.

На ряде поселений обнаружены разрозненные человеческие кости вне специальных погребальных сооружений (Бандухан П, Кизилтепе, Талашкан I, Широбтепе), что в определенной мере, подтверждает свидетельство Онесикрита (IV в. до н.э.) о бытовании в Бактрии обряда выставления, об этом говорит и полное отсутствие специальных некрополей, несмотря на наличие в Северной Бактрии хорошо обследованных поселений.

III. II в. до н.э. - III в. н.э. Выделены две основные группы погребальных сооружений: наземные и подземные; отдельную, сравнительно редкую, группу составляют захоронения в хумах и глиняных саркофагах.

Наземные сооружения. Наусы - *из dāna* четырех типов: 1. Однокамерные прямоугольные в плане с входом-приемом в нижней части стен, изредка с "порталом"; 2. Двухкамерные, подквадратные в плане с входным отверстием в верхней части стен; 3. Двухкамерные прямоугольные в плане с "порталом"; 4. Многокамерные квадратные в плане с центральным коридором.

Ката - многокамерное сооружение прямоугольного плана.

Подземные сооружения. Ямные могилы трех типов: 1. Прямоугольные с обкладкой сырцовым кирпичом по краям или с одной стороны могилы, иногда со ступенькой; 2. Прямоугольные с подбоем; 3. Грунтовые прямоугольные ямы.

Основной способ захоронения в наземных сооружениях - вторичные погребения предварительно очищенных костей под стенами зданий - Дальверзинтепе, Кампыртепе; на вершинах холмов - Ялангтуштепе; в хумах - Коштепе, Халчаян. В грунтовых могильниках - трупоположение на спине в вытянутом положении.

Для всех типов захоронений, за редким исключением, характерно наличие разнообразного погребального инвентаря. Грунтовые захоронения для данной области характерны только для кечжийско-

го времени, в кушанское время преобладают вторичные захоронения. Иная картина в Северо-Восточной Бактрии, где для кечжийско-кушанского периода отмечены многочисленные курганы и грунтовые захоронения, тогда как наусы зафиксированы на одном поселении (Литвинский, Седов). Таким образом, наблюдаются различия в типах погребальных сооружений и способах захоронения в различных частях Северной Бактрии.

Анализ имеющихся данных привел нас, как и Б.А. Литвинского, к выводу о соответствии способа захоронения в бактрийских наусах авестийской (зороастрийской) погребальной практике.

Здесь выявлены все три типа погребальных сооружений, упоминаемых в Видевдате: *ката*, *дахма* и *uxdāka*. Сопоставление имеющихся археологических данных позволяет предположить, что Бактрия, вероятно, являлась местом первоначального зарождения костехранилищ типа "*uxdāka*". Вместе с тем, погребение костей в *uxdāka* отражает заключительную фазу зороастрийского погребального обряда. В Видевдате предусмотрены две предшествующие стадии: временное помещение трупов в ката и выставление их на дахме.

На городище Кампыртепе вскрыто здание, совмещающее в себе функции всех трех типов: внутренние помещения и ров выполняли роль ката, платформа в начале здания являлась дахмой, а пространство вдоль внешних стен здания, где имелись сложенные отдельными грудками человеческие кости - *uxdāka*. Полученные данные почти полностью идентичны типам ката, отраженным в пятом (I0-I4) и восьмом (4-I0) фарагарде Видевдата.

Археологические данные показывают бытование здесь зороастрийского погребального обряда, но отсутствие религиозных текстов на бактрийском языке оставляет по-прежнему неясными многие проблемы религии и идеологии кушанского государства. О почитании зороастризма в кушанской Бактрии прямо свидетельствуют монеты Канишки и Хувишки, на реверсе которых имеются изображения ряда божеств, относящихся к зороастризму - "младоавестийскому", т.е. традиционному ядру сонмов божеств древних иранцев. Далее анализируется вопрос о терминологическом противопоставлении *маздеизма* и *зороастризма*, основанном на недоразумении: только зороастризм, понимая под ним как вероучение самого Заратуштри, изложенное в Гатах Авесты, так и всю даль-

нейшую историю этой религии, знает почитание Ахура Мазды как главного бога, но "маздеизм" – это почитание только Ахура Мазды как всевышнего, иначе говоря, синоним зороастризма и только (Лившиц).

IV. IV–начало VI вв. н.э. Характерно полное отсутствие специальных некрополей, для погребений использовались жилые дома, храмы, керамические печи, крепостные стены. Способ захоронения: одиночные труположения или массовые захоронения трупов, положенных друг на друга или прямо на грунт. Встречаются вторичные захоронения предварительно очищенных костей в хумах. Погребальный инвентарь незначителен. Таким образом, происходят определенные изменения, коснувшиеся, в основном, тех сторон погребального обряда, для которых требуются затраты значительного коллектива людей и средств (возведение специальных погребальных сооружений) или наличие социально крепкого общества (устройство специальных некрополей в соответствии с общей регламентацией городского благоустройства). Возможно, постепенно меняется и культовое содержание погребального обряда, однако генетическая связь погребенных с населением предшествующего времени очевидна (Ходжайов). Вероятно, "некрополи" переходного периода в большинстве своем принадлежат коренному населению пришедших в упадок городов и поселений Северного Тахаристана.

V. Начало VI–вторая половина VII вв. Типы погребальных сооружений разнообразны: одиночные скальные склепы (Биттепе), аналогичные сооружения, устроенные в крепостной стене (Дальверзинтепе), наземные одиночные и многокамерные наусы (Шуроб–Курган, Курган), керамические "саркофаги" (Каратепе).

В приамударьинской части продолжают сохраняться наусы со способом захоронения предварительно очищенных костей, генетически восходящие к предшествующему времени.

Особняком стоят своеобразные керамические саркофаги. В какой-то мере они аналогичны керамическим цилиндрам из Старого Мерва, связываемым с христианами. Обращает на себя внимание отсутствие оссуарных захоронений при широком распространении их в других областях Средней Азии. Существенны и другие отличия. Вместе с тем, можно отметить и ряд общих черт. Так, архитектурно-планировочный тип согдийских наусов аналогичен тохаристанским, а отсутствие генетических прототипов их в Согде

позволяет искать истоки согдийских наусов в традициях бактрийско-тохаристанской погребальной архитектуры. Общее сходство в типе сооружений и погребальном обряде наблюдается между скальными склепами Куруката в Уструшане и Биттепе в Чаганиане.

В раннее средневековье преобладающим способом захоронения в Северо-Западном Тохаристане становится труположение на спине в сопровождении погребального инвентаря. Анализ погребального обряда указывает на значительные его изменения по сравнению с кушанским временем: исчезает обычай выставления в погребении сосудов, отсутствуют кости животных, но появляется обычай помещения в могилу зерен различных злаков (Дальверзинтепе, Биттепе). Не исключено, что данные изменения связаны с распространением манихейства в Чаганиане и влиянием его на погребальную практику в этой области. Далее анализируются другие стороны погребального обряда (обряд "платы Харона", обычай "тул", элементы манихейства), исследуется возможное распространение тюркского погребального обряда в этой области.

VI. IX-XII вв. Характерно распространение мусульманского погребального обряда и появление мавзолеев, наиболее ранние из которых (Ак-Астана-баба, Ходжа-Нахшон, восточный мавзолей в Саяте, Султан-Саодат, Ходжа Иса) датируются V-первой половиной XI вв. Анализируется влияние домусульманской архитектуры Тохаристана на сложение мавзолеев, выразившееся в возможном заимствовании портала, зачатки которого отмечены в кушанских наусах, а также генетической преемственности центрических мавзолеев Мавераннахра и ряда функционально различных зданий Тохаристана.

Глава VI. "Основные вехи политической и культурной истории". До прихода на данную территорию оседлоземледельческих племен во второй четверти II тысячелетия до н.э. она была, фактически, незаселенной. Основанные здесь поселения являлись укрепленными форпостами, охраняющими переправы через Окс. Анализ топографии памятников эпохи бронзы выявляет две зоны: восточную (Северо-Восточный Афганистан и Южный Таджикистан), куда активно вторгались скотоводческие племена, и западную (Северо-Западный Афганистан и Южный Узбекистан), занятую оседлоземледельческими племенами. Данная картина отражает создавшуюся ситуацию: в западной зоне сформировалось мощное объединение земледельческих общин с центром, вероятно, в долине Балхаба, которое успешно противостояло натиску скотоводческих племен.

Дальнейший ход социально-экономического развития привел к образованию здесь территориально-политических общностей, находившихся на начальной стадии становления номного или оазисного типа государства.

В начале I тыс. до н.э. этно-культурная ситуация в данной области значительно изменилась. Она входит в зону распространения культуры Яз-1, ареал которой охватывает обширный регион юга Средней Азии от Прикопетдагской равнины до Припамирья. Сопоставление археологических материалов и исторических данных привело нас к следующим выводам:

1. Упомянутая в Михр-Яште страна ариев - Арьшайана, вероятнее всего, соответствует области распространения культуры Яз-1.

2. Правобережье Окса в это время, вероятно, являлось частью Гавы Согдийской. В какой-то степени эта древняя традиция отражена античными авторами, зачастую проводившими границу между Бактрией и Согдом по Оксу.

3. С этим временем и этой культурой связано расселение восточноиранских племен, в том числе бактрийцев и согдийцев, миграция которых шла с запада на восток, а затем на север.

4. В первой половине I тыс. до н.э. происходил активный процесс миграции восточноиранских племен, закрепление за ними определенных территорий и формирования этнокультурных областей.

В конце первой половины-середине I тыс. до н.э. правобережье Окса, так же как и остальные области Средней Азии, входит в состав Ахеменидского государства. Топография археологических памятников, особенно наличие укрепленных поселений почти у каждой переправы через Окс, указывает на целенаправленный характер деятельности ахеменидской администрации - взять под контроль основные дороги, ведущие из Бактрии в Согд. Не исключено, что такие форпосты существовали в горных проходах, в частности, у Железных ворот, где локализуется крепость Сисимифра (Томашек, Пьянков), однако археологические данные пока это мнение не подтверждают.

Северная Бактрия и древние государства Востока. В основу принятой периодизации положен государственно-династический признак. Можно выделить пять основных периодов: селевкидский, греко-бактрийский, везкийский, посткушанский и кушано-сасанидский. Применяя историко-культурный принцип, возможно объединить

эти периоды в три эпохи: эллинистическую (селевкидский и греко-бактрыйский), античную (кочжийский и кушанский) и постантичную (посткушанский и сасанидо-кушанский). Эти периоды сейчас в большей или меньшей степени сопоставляются с археологическими комплексами:

1. Селевкидский и греко-бактрыйский: Дальверзин I-Халчаян-II;
2. Кочжийский: Дальверзин-II - Халчаян II;
3. Кушанский: Дальверзин III-IV - Халчаян III-IV;
4. Посткушанский и кушано-сасанидский: Дальверзин V-VI.

В вопросе о границах селевкидского и греко-бактрыйского государств существуют два противоположных мнения: 1. Во владения эллинистических государств входила обширная часть Среднеазиатского Междуречья; 2. Они охватывали лишь узкую полосу правобережья Окса. Мы полагаем, что северные границы селевкидского и греко-бактрыйского государств не были постоянными и могли меняться в зависимости от военно-политических обстоятельств, но в том или ином случае Окс, вероятнее всего, не являлся пограничным рубежом греко-бактрыйских владений в Средней Азии. Не исключено, что некоторые пункты первоначально создавались в Северной Бактрии как чисто военные поселения для охраны важнейших дорог и переправ через Окс. Об этом свидетельствуют их местоположение и топография (Кала Старого Термеза, Кампыртепе, представляющих собой первоначально, как правило, крепости). Впоследствии территория около них заселяется местными племенами, возводившими на первых порах глино-каркасные жилища (Дальверзинтепе).

Археологические данные указывают на достаточно сильное влияние греческих центров Бактрии на культуру местного населения, которое весьма ощущается даже в такой традиционной области, как гончарство (Седов). Вместе с тем, они противоречат высказанной рядом ученых (Зеймаль, Хлопин) точки зрения о якобы культурной отсталости данной области в это время. Недавние открытия (Тахти-Сангин, Термез, Кампыртепе) убеждают в противоположном.

В кочжийский период, уже, вероятно, в конце II-первой половине I в. до н.э., судя по нумизматическим данным, в Северной Бактрии сложились два крупных кочжийских владения: одно из них

в Сурхандарьинском оазисе (подражания тетрадрахам Гелиокла), второе – в Южном Таджикистане (подражания оболам Евкратида). К рубежу н.э. политическая ситуация в Северной Бактрии несколько изменяется. Возможно, какое-то время западная ее часть, преимущественно долина Амударьи, вошла в состав парфянского государства. Здесь (Термез, Кампиртепе) зафиксированы находки монет Синатрука, Фраата IV и V, а также монеты двух последних царей с подлинными и ложными надчеканами, также монеты Сападбиза (обол и халк). Ареал монет Сападбиза явно указывает, что в его владения входили Балхский оазис и приамударьинская часть Сурханского оазиса. Мы полагаем, как и ряд других ученых, что монеты Сападбиза чеканились в конце I в. до н.э.–начале I в.н.э. и не можем согласиться с мнением Е.В.Зеймалю, относящего их к более позднему времени и полагающему, что прототипом для них послужили подражания оболам Евкратида. Это сомнительно, поскольку типологически монеты Сападбиза примыкают непосредственно к оболам Евкратида (судя по изображению шлема, повторяющего в деталях шлем Евкратида, а не искаженный головной убор на подражаниях), неясна также причина выбора иконографического типа монет, которые на территории владений Сападбиза не обращались.

Суммируя имеющиеся нумизматические данные, отметим, что в различных частях Бактрии на рубеже–начале н.э. обращались пять основных групп монет, которые, вероятно, отражают наличие пяти кечийских владений.

Северная Бактрия полностью или частично входила в состав четырех владений (правителей, выпускавших подражания Гелиоклу; правителей, чеканивших подражания оболам Евкратида; "Герая" – Санаба; Сападбиза).

В государство Великих Кушан Северо–Западная Бактрия вошла в правление Сотера Мегаса – Кадфиза I и оставалась в его составе на всем протяжении существования этого государства. Эпиграфические и нумизматические данные не фиксируют каких-либо перерывов в подчинении этой области Кушанам (представлены в большом количестве монеты всех кушанских царей) и не подтверждает мнение ряда ученых о разделе кушанского государства на две части в правление Васудевы и Канишки III.

Эта область являлась одной из важнейших составных частей кушанского государства, ее значение определялось не только эко-

номическим потенциалом, но также ролью пограничной области, прикрывающей государство с северо-запада. Анализ данных показывает, что здесь была создана централизованная система обороны, включающая три пояса защитных сооружений:

1. Пограничные стены с крепостями, обозначавшие и защищавшие государственную границу – Дербент.

2. Государственные крепости, контролирующие переправы через Окс (Кампыртепе, Термез).

3. Государственные крепости, закрывавшие дороги из горных ущелий – Кафыр-кала, Сар-и Банд, Тарагайтепе.

Далее анализируются вопросы административного устройства данной области. Мы полагаем, что она могла иметь статус особой пограничной области, тем более, что существование таковых в кушанском государстве подтверждается наличием титула *кар-лурто* (начальник пограничной области) в надписи из Сурх-Котала. Не исключено, что зафиксированные здесь различные системы группировки археологических памятников отражают также различные структуры административного членения.

Всю эпоху после падения Кушанского государства и до ранне-го средневековья можно разделить на три периода: политической дестабилизации (посткушанский), подчинения сасанидским кушан-шахам (кушано-сасанидский), образование небольших самостоятельных владений (тохаристанский).

Формирование раннефеодальных владений Северо-Западного Тохаристана. Характерная черта эпохи раннего средневековья – возникновение, вероятно, в конце V в. н.э. и дальнейшее развитие ряда фактически независимых владений, ориентированных в своей политике вначале на сасанидов и эфталитов, а впоследствии – на турков и арабов. Наиболее крупным из этих владений был Чаганиан, расположенный в долине Чаганруда – Сурхандаря. Исследование нового нумизматического материала, происходящего с городища Будрач (легенды на монетах в большинстве своем прочитаны В.А.Лившицем), вкупе со скудными сведениями письменных источников и эпиграфическими данными (надпись из Афрасиаба) позволило установить династическую историю Чаганиана с конца V по конец VIII в. н.э. В этот период здесь правили, вероятно, три династии:

1. Династия "безмянных хидево" (конец V–середина VI в.);

правителя которой проставили на монетах бактрийский титул $\chi\delta\eta\sigma$ и тамгу \diamond .

2. Династия "Чаганиша" (середина VI—конец VI—начало VII в.), условное название по имени чаганианского правителя, упомянутого в "Шах-намэ". Правители: $\sigma\alpha\beta\rho\omega\chi\delta\eta\sigma$, $\zeta\alpha\rho\iota\delta\omega\chi\delta\eta\sigma$, $\mu\omicron\lambda\lambda\omicron\sigma\omega\chi\delta\eta\sigma$

3. Династия чаган-худатов (начало VII—конец VIII в.). Правители: $\tau\omega\tau\omicron\kappa\iota\epsilon\zeta$ (Туранташ), $\tau\iota\sigma\kappa\iota\sigma\tau\epsilon\zeta\alpha$ (Тиш), $\chi\delta\alpha\rho\omega\chi\delta\eta\sigma$ (Хнар). Тамга \diamond . Имеется также ряд монет, имена правителей на которых недостаточно ясны.

Этимология имен этих правителей, описанная Н.А.Лившицем, указывает на их восточноиранское происхождение. Сходство тамг с рядом других данных, возможно, говорит об их принадлежности к родственной связи.

Другие владения (Гуфтан, Термез) Северного Тохаристана в сравнении с Чаганианом играли меньшую политическую и экономическую роль. В этих областях в значительной степени ощущались турецкие влияния, которые, в частности, выделены в лепной керамике, имеющей сходство с керамикой Чача и Согда, в аналогичности тамг на монетах местных правителей и владельцев этих областей. В целом исследование нумизматического материала показывает, что большинство областей Северного Тохаристана, вероятно, номинально подчинялось турецким ябгу, представляя фактически независимые владения.

Местные династии были упразднены арабами в конце VIII в. н.э. первые походы которых в Северный Тохаристан относятся к третьей четверти VIII в. н.э. На протяжении всего VIII в. происходило активное внедрение арабского этноса и культур в эту область. Уже в середине VIII в. н.э. в Чаганиане и Термезе осуществляется чеканка фельсов, нередко находки остраков VIII в. с фрагментами коранических надписей и хозяйственных записей (Кулялтепе, Термез, Хосилоттепе), омайядских и аббасидских дирхемов и фельсов.

Феодалные владения Северо-Западного Тохаристана в IX—начале XIII вв. и их взаимодействие с государствами Средней Азии. В IX—X вв. вновь усиливается роль местной феодальной знати в управлении историко-культурными провинциями Средней Азии. В конце IX—начале X вв. Термез принадлежал правителям из династии

Абу-Давудидов. В X в. Саганийан и Термез и прилегающие к ним области управлялись могущественной, фактически самостоятельной, чаганианской династией Мухтаджидов, степень вассальной зависимости которой от центральной власти (Саманидов) была незначительной. По данным письменных источников и новым нумизматическим материалам, хронология династии Мухтаджидов следующая:

1. ал-Мухтадж;
2. Музаффар б.Мухтадж;
3. Абу Бакр Мухаммад б.Мухтадж (ум.939 г.);
4. Абу Али Ахмад б.Мухаммад (939-955 гг.);
5. Абу Максур Наср б.Ахмад (955-975/76 гг.);
6. Абу-л Касим ал-Хасан б.Ахмад (979-987/88 гг.);
7. Абу Али ал-Музаффар Тахир б.Фазл (988-991 гг.);
8. Фахр ад-Даула Абу-л Музаффар Ахмад б. Мухаммад (после 991-начала XI в.).

В первой четверти XI в. Саганийан - фактически независимое владение Ахмада б.Мухаммада, находящееся особенно в первой половине этого периода в определенной вассальной зависимости от Караханидов. В отличие от других областей Мавераннахра, где местные династии были, видимо, вскоре после караханидского завоевания упразднены, в Саганийане власть Караханидов не была столь прочной. Саганийан играл роль "буферного" владения между государствами Караханидов и Газневидов, владевших Термезом. В 418-430/1027-39 гг. Саганийан - суверенное владение, а в 430-434/1038-43 - владение Караханидов (Давидович). С сороковых годов XI в. и вплоть до середины XII в. области Саганийана и Термеза входят в состав сельджукидских владений.

Политическая обстановка, сложившаяся здесь после падения власти сельджукидов в 1157 г. и вплоть до начала XIII в. была крайне неустойчивой. Ими попеременно владели гуриды, гузны, караханиды и представители местной феодальной знати. С 602/1206 г. Термез и Саганийан входят в состав государства хорезмшахов.

В заключении диссертации подводятся итоги работы, определяется роль и значение Северной Бактрии-Тохаристана в истории цивилизации Средней Азии с выделением наиболее значительных явлений:

I. Эта область входила в зону первичного очага формирования городской цивилизации в Среднеазиатском Междуречье.

2. Она являлась важнейшим звеном в цепи историко-культурных связей и направлений: Индия-Бактрия-Согд-Восточный Туркестан. Ее роль определялась географическим местоположением на стыке трех важнейших историко-культурных зон: бактрийской, согдийской и маргианской, группирующихся вокруг Окса-Амударьи.

3. Эта область, благодаря своему промежуточному положению между городскими цивилизациями юга и земледельческо-скотоводческого севера, являлась своеобразной зоной, в которой происходило столкновение и взаимодействие различных культур Востока, оседание элементов этих культур в автохтонной культуре.

4. Исследуемая область была своего рода ретранслятором, посредством которого осуществлялась инфильтрация эллинистической и восточной культур в центральные и северные области Средней Азии.

5. Она зачастую играла роль буферной зоны между различными государствами (Кущаны и Кангюй; Сасаниды и турки, Газневиды и Караханиды).

Таким образом, северные области Бактрии-Тохаристана во все периоды своей истории находились в фокусе важнейших социально-экономических, политических и этнических процессов, являясь своего рода узловым центром, где теснейшим образом переплетались и взаимообогащались культуры Средней Азии и сопредельных стран.

По теме диссертации опубликованы:

1. Новые монетные находки из правобережной Бактрии. - Вестник древней истории. 1971. № 3. С.101-113 (соавтор Г.А.Пугаченкова).
2. Нуμισматические находки в Узбекистане в 1966-1968 гг. - Эпиграфика Востока. 1972. XXI. С.82-83 (соавтор М.Н.Федоров).
3. К обследованию древних городищ в Северной Бактрии. - В сб.: Археологические открытия 1972 г. М.: Наука, 1973. С.469-470.
4. К типологии городских поселений кушанского времени в Сурхандарьинской области. - В сб.: Древний город Средней Азии. Л., 1973. С.24-25.
5. Маршрутные обследования памятников Северной Бактрии. - В сб.: Из истории античной культуры Узбекистана. Ташкент: Изд-во им. Гафура Гуляма, 1973. С.10-35 (соавтор З.А.Хакимов).
6. Разведочное изучение бактрийских памятников на юге Узбекистана. - В сб.: Древняя Бактрия. Л.:Наука, 1974. С.74-85.

7. Разведки в предгорьях Байсунтау. - В сб.: Археологические открытия 1973 г. М.: Наука, 1974. С.488-491.
8. К характеристике памятников ахеменидского времени на юге Узбекистана. - Советская археология, 1972. № 2. С.262-266.
9. Исследование памятников Бандыхана. - В кн.: Новые открытия советских археологов (Тезисы докладов конференции). Ч.П. Киев, 1975. С.51-52 (соавтор З.А.Хакимов).
10. Археологические разведки в Чаганиане. - В сб.: Археологические открытия 1974. М.: Наука, 1975. С.510-512.
11. Настенная монументальная живопись из раскопа ДТ-7. - В сб.: Реставрация, исследование и хранение музейных художественных ценностей. Вып. I. М., 1976. С.35-36.
12. К изучению Талашкан-тепе I. - В сб.: Бактрийские древности. Л.: Наука, 1976. С.19-24 (соавтор З.А.Хакимов).
13. Разведочное изучение бактрийских памятников на юге Узбекистана. - В сб.: Бактрийские древности. Л.: Наука, 1976. С.93-103.
14. Плотина Сар-и Банд. - Строительство и архитектура в Узбекистане. 1977. № 4. С.46-51 (соавтор М.Х.Исхаков).
15. Несколько древнеегипетских предметов из Северной Бактрии. - Советская археология. 1977. № 2. С.235-238.
16. К локализации "греческой" переправы на Оксе. - Вестник древней истории. 1977. № 4. С.182-188.
17. К периодизации истории раннесредневекового Чаганиана. - В сб.: Раннесредневековая культура Средней Азии и Казахстана. Душанбе: Дониш, 1977. С.88-91.
18. Рекогносцировка в Чаганиане. - В сб.: Археологические открытия 1976 г. М.: Наука, 1977. С.541.
19. Дальверзинтепе. Кушанский город на юге Узбекистана. - Ташкент: Фан, 1978. С.12-21, 75-90, 97-115, 227-232.
20. Нумизматические находки на территории Узбекистана в 1969-1972 годах. - Общественные науки в Узбекистане. 1978. № 4. С.65-68 (соавторы Б.Кочнев, М.К.Федоров, Т.С.Ерназарова).
21. Обнаружение средневекового селения Навандак в области Саганиан. - История материальной культуры Узбекистана. Вып. I4. Ташкент: Фан, 1978. С.114-120.
22. О количестве населения в кушанских населенных пунктах Северной Бактрии. - В сб.: История и археология Средней Азии. Ашхабад: Илим, 1978. С.107-115.

23. Маршрутное исследование в Сурхандарьинской и Джилакской областях. - В сб.: Археологические открытия 1977 г. М.: Наука, 1978. С.536-537 (соавторы М.Х.Исхаков, О.С.Маликов).
24. Исследование Талашкал-тепе I. - Там же. С.533 (соавтор Ш.Р. Пидаев).
25. О генезисе кушанских поселений. - Вестник древней истории. 1978. № 4. С.108-116.
26. О товарно-денежных отношениях в Чаганиане /IX-нач.XIII вв./. - В сб.: Бартольдские чтения. 1978. Год четвертый. М.: Наука, 1978. С.55-56.
27. Рец.: Пидаев Ш.Р. Кушанские поселения Северной Бактрии. - Ташкент: Фан, 1978. - 143 с. - Общественные науки в Узбекистане, 1978. № II. С.58-61.
28. Медные фельсы Мухтаджидов X века. - В сб.: Средневековый Восток. М.: Наука, 1979. С.231.
29. Изучение средневековых памятников Чаганиана. - В сб.: Археологические открытия 1978 г. - М.: Наука, 1979. С.551-552 (соавторы М.Х.Исхаков, Б.А.Тургунов).
30. Два средневековых чаганианских селения. - История материальной культуры Узбекистана. Вып.15. Ташкент: Фан, 1979. С.84-95.
31. Рец.: А.А.Аскарлов, Л.И.Альбаум. Кучуктепа. - Ташкент: Фан, 1979. - III с. - Общественные науки в Узбекистане. 1979. № II. С.47-49.
32. Исследования на городище Будрач. - В сб.: Археологические открытия 1979 г. М.: Наука, 1980. С.456-457.
33. По поводу династических связей Хорезма и Чаганиана в раннее средневековье. - Вестник Каракалпакского филиала АН УзССР. 1986. № I. С.51-58.
34. О политической истории Северной Бактрии и Согда в III-II вв. до н.э. - Всесоюзный симпозиум по проблемам эллинистической культуры на Востоке. Ереван, 1980. С.77-78.
35. Бронзовый кинжал из Вахлувара. - Советская археология. 1981. № I. С.285-286.
36. Монетные надписи как источник по политической истории Чаганиана первой четверти XI в. - В сб.: Бартольдские чтения. 1981. Год седьмой. М.: Наука, 1981. С.75-76.

37. Рец.: Ставиский Б.Я. Кушанская Бактрия: проблемы истории и культуры. М., 1978. - Вестник древней истории, 1981, № 3. С.195-200.
38. Каталог древних монет Южного Узбекистана. Ташкент: Фан, 1981. С.94 (соавтор Ш.Р.Пидаев).
39. Ксениппа-Паретака. - В сб.: Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье. М.: Наука, 1981. С.95-102.
40. К открытию айртамской надписи. - Общественные науки в Узбекистане. 1981. № 4. С.38-49 (соавторы В.А.Лившиц, Б.А.Тургунов).
41. Раскопки могильника Бит-тепе в Чаганиане. - В сб.: Археологические открытия 1980 г. М.: Наука, 1981. С.458-459 (соавтор В.А.Козловский).
42. К изучению связей Чаганиана в раннее средневековье. - В сб.: Культурные взаимосвязи народов Средней Азии и Кавказа с окружающим миром в древности и средневековье. М., 1981. С.135-136.
43. Новые материалы из Чаганиана (К проблеме генезиса центрических мавзолеев Мавераннахра). - Строительство и архитектура в Узбекистане. 1982. № 6. С.33-35.
44. К характеристике раннесредневековых памятников Чаганиана. - История материальной культуры Узбекистана. Вып.17. Ташкент: Фан, 1982. С.102-107.
45. К вопросу об ареале и хронологии сасанидских завоеваний в Северной Бактрии-Тохаристане. - Общественные науки в Узбекистане. 1982. № 1. С.47-54.
46. *Bactrian fortification. Genesis and evolution in their social and cultural aspect. - Le colloque sur la fortification a Vallbanne. Paris, 1982, p. 1-10.*
47. Средневековые памятники Сурхандарьи. - Ташкент: Изд-во им. Гафура Гуляма, 1983. С.148 (соавторы З.А.Аршавская, З.А.Харкимов).
48. О местонахождении бактрийского города Аорна. - Вестник древней истории, 1983. № 1. С.149-152.
49. К биографии Фаррухи. - В сб.: Художественная культура Средней Азии в IX-XII вв. Ташкент: Изд-во им.Гафура Гуляма, 1983. С.177-182.
50. Археологические данные к истории городища Будрач. - История

- материальной культуры Узбекистана. Вып.18. Ташкент: Фан, 1983. С.173-188.
51. Об обращении греко-бактрийских монет в Северной Бактрии. - Общественные науки в Узбекистане. 1983. № 6. С.31-37 (соавтор Г.А.Пугаченкова).
 52. Археологические исследования на городище Будрач и в его окрестностях. - В сб.: Археологические открытия 1981 г. М.: Наука, 1983. С.464-466.
 53. В стране золотого огня. - Ташкент: Узбекистан, 1983. С.91 (соавтор А.С.Сагдуллаев).
 54. Могильник кушанского времени у Ялангтуштепе. - Советская археология. 1983. № 1. С.125-142.
 55. К истории Южного Узбекистана в эфталитское время. - В сб.: Бактрия-Тохаристан на древнем и средневековом Востоке. М.: Наука, 1983. С.36-37.
 56. Кушанская крепость Кампыр-тепе. - Вестник древней истории. 1984. № 2. С.87-106.
 57. Астилогана-Астокана. - История материальной культуры Узбекистана. Вып.19. Ташкент: Фан, 1984. № 19. С.81-84.
 58. *La Circulation monetaire au nord de l'Orus a l'epoque Greco-Bactrienne.* Paris, *Revue Numismatique*, 1984, p. 61-76.
 59. *Les particularites du peuplement du Surkhan dar'ja a l'Age du Bronze et au debut de l'Age du Fer.* - Actes du Colloque franco-sovietique d'Archeologie d'la Bactrienne Ancienne. Paris, 1985, p. 187-193.
 60. К истории денежного обращения в Саганиане УШ-нач.ХШ вв. - Эпиграфика Востока, 1985. № 23. С.38-43.
 61. К истории алхонов-эфталитов. - В сб.: Творческое наследие народов Средней Азии в памятниках архитектуры, археологии и искусства. Ташкент, 1985. С.110-113.
 62. Бактрийские рукописи из Кампыр-тепе: их значение и датировка. - В сб.: Исследование, консервация и реставрация археологических находок. Киев, 1985. С.67-69.
 63. Рец.: Б.А.Литвянский, А.Седов. Шах-тепе. Культура и связи Кушанской Бактрии. М.: Наука, 1983. - Вестник древней истории, 1985, № 4, с.183-191.
 64. Происхождение и развитие городов Северной Бактрии-Тохаристана. - В сб.: Городская среда и культура Бактрии-Тохари-

- стана и Согда IV в. до н.э. - VIII в. н.э. Ташкент: Фан, 1986. С.97-99.
65. Средневековый могильник Бит-тепе в Чаганиане. - Советская археология. 1986. № 4. С.194-209.
66. Памятники минувших веков. - Ташкент: Узбекистан, 1986. - 133 с. (соавтор А.С.Сагдуллаев).
67. Турки на юге Узбекистана в раннее и развитое средневековье. - В сб.: Историко-культурные контакты народов алтайской языковой общности. Вып. I. М., 1986. С.124-125.
68. *Archaeology VII. Islamic Central Asia.* - *Encyclopaedia Iranica.* Vol. II, Fascicle 3, Boston-London, 1985, p. 322-326 (соавтор Г.А. Пугаченкова).
69. Стена Дарбанда Бактрийского. - Общественные науки в Узбекистане. 1986. № 12. С.34-39.
70. Чаганианские монеты с парным изображением. - В сб.: Талекое прошлое Средней Азии. Душанбе: Дониш, 1987. С.218-225.
71. Монетные комплексы из Кампыр-тепе (Узбекистан). - В сб.: Всесоюзная нумизматическая конференция. М., 1987. С.61-62.
72. Скотоводы и земледельцы в Бактрии (историко-политический аспект проблемы). - В сб.: Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата: Наука, 1987. С.115-116.
73. *Bactrian fortification: genesis and evolution in their social and cultural aspect.* - *La Fortifications dans l'histoire du Monde Grec.* Paris, 1987, Editions du CNRS, p. 323-328.
74. Новые бактрийско-кушанские памятники на юге Узбекистана. - История материальной культуры Узбекистана. Вып. 21. Ташкент: Фан, 1987. С.56-66.
75. Ленежное обращение в Северо-Западном Тохаристана в раннем средневековье. - В сб.: Городская культура Бактрии-Тохаристана и Согда. Ташкент: Фан, 1987. С.120-131.
76. Древние монеты Средней Азии. - Ташкент: Изд-во им. Гафура Гуляма, 1987. С.182.
77. *Les edifices funeraires de la Bactriane septentrionale et leur rapport au zoroastrisme.* - *Cultes et Monuments Religieux dans l'Asie Centrale preislamique.* Paris, Editions du CNRS, 1987, p. 29-49.

Подписано к печати 14. XI. 88г заказ № 407 тираж 100 экз.
Отпечатано на роталрийте ИБ. АН. УзССР Ташкент, Муминова 13

